

Мирного неба вам, люди!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мирный

ОРГАН ПАРТИЙНОГО, КОМСОМОЛЬСКОГО, ПРОФСОЮЗНОГО КОМИТЕТОВ И РЕКТОРАТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

№ 16 (76)

Пятница, 12 мая 1967 года.

Год издания III
цена 1 коп.

НАМ В ПАМЯТИ ХРАНИТЬ

«Нам в памяти хранить святы имена», — поет парень под гитару. И зал затих. Зал слушает и про себя повторяет скорбные строки. В зале плечом к плечу сидят нынешний студент и бывший солдат, ставший теперь преподавателем, сидят люди, прошедшие суровую школу войны, парни, вчера отслужившие обязательную службу, и допризывники, сидят гости — пионеры и пожилой генерал в отставке, командир Сибирской дивизии, ныне человек глубоко мирного труда тов. В. А. Бержбицкий.

Всех их объединяет то, чего, пожалуй, нельзя просто объяснить словами, но можно понять сердцем. И когда секретарь парторганизации института тов. В. М. Самосудов в заключение торжественного собрания произносит самое дорогое для всех пожелание: «Солнечного неба всем нам и нашей Родине!», когда все как один поднимаются, слушая Гимн Советского Союза, становится понятно, что объединяет людей, разных по возрасту, жизненному опыту. Чувство Родины — вот то огромное, редко называемое словами, но всегда присутствующее между людьми, молчаливо роднящее и в самые трудные годы, и в дни небывалого расцвета. Чувство Родины... О нем не говорят часто, — это излишне. Это понимается не из красиво построенных фраз, а из обихих устремлений, благородных намерений и совместного, повседневного, иногда неспешного труда, который именно при мысли о Родине становится под силу людям.

И на этом торжественном собрании 7 мая 1967 года, накануне 22 праздника Победы над фашистской Германией, тоже очень мало говорились о чувствах тех, кто защищал Родину. Пожалуй, всех тогда объединяло одно чувство — так и должно быть. Зато много говорились о самих людях, о их подвиге, славном и величественном, еще более величественном через призму 22 лет, отделяющих нас

от 9 мая 1945 года.

Выступают люди, прошедшие славный боевой путь, — товарищи Б. А. Дмитриев, С. Б. Расин, М. В. Наумов и другие. А в президиуме вместе с генералом В. А. Вержбицким и другими ветеранами войны — пионерка, приветовавшая героев, комсомолка. Вот здесь наглядное свидетельство того, что «на земле родной весной не умолкнет никогда эстафета поколений». И очень верно говорит в своем приветствии комсомолец Борис Сушников: «Та жизнь, которой мы живем, очень во многом зависит и от вас. Спасибо вам за эту жизнь!» Зал подтверждает верность и искренность его слов дружными аплодисментами.

Да, наша мирная созидательная жизнь во многом зависит от наших старших товарищей, воинов-освободителей. Огромное человеческое им спасибо!

Вот эти люди. Кажется, ничего нет в них сейчас военного, только разве ордена, медали или орденские колодки да еще память... Ничего не забывающая, ничего не прощающая память. К ней мы и обратились сейчас.

Вот Самуил Львович Лифид, проректор по административно-хозяйственной части. Он прошел всю войну.

— Самуил Львович, где вас застало известие о победе?

— Это было в Восточной Пруссии, под Кенигсбергом, куда с боями дошел наш танковый корпус. Я был тогда парторгом полка.

— Припомните, как воспринято было это известие?

— Мы сами понимали, что произойдет это со дня на день. Все-таки были уже у самой цели, и все же... Произошло это ночью 2 мая. По радио нам сообщили о капитуляции Германии. Солдаты повскакивали, начали стрелять из винтовок, револьверов...

Вообще довольно наивно звучит вопрос: как встретили, как восприняли. Как можно было встретить победу, которую поч-

ти 4 года в ожесточенных боях приближали по срупице. Победа пришла нелегко, она досталась ценой жизни многих миллионов людей.

Могут ли люди забыть путь к победе? Мы обращаемся к методисту факультета общественных профессий Алексею Дмитриевичу Анничкину.

— Алексей Дмитриевич, если бы Вас попросили рассказать о каком-то событии в войне или периоде, который наиболее остро запомнился, что бы Вы вспомнили?

— 1941 год. 22 июня. Наш батальон стоял в пограничном районе. Нет, не в Бресте, но и этот район, и мужество его защитников ничем не уступали Бресту. После вечерней поверни 21 июня все легли спать. За 10 минут до четырех часов утра на заставу прибежал кто-то из местных жителей и бросился ко мне: «Товарищ старшина, война!»

Ровно в 4 часа, когда вся заставка была на ногах, разорвались первые снаряды. Этого нельзя было забыть. Потом я участвовал и в обороне Киева, и прошел путь на Восток, потом снова на Запад, но все это было уже потом, когда вся страна поднялась, и все же те 10 минут один на один с неизвестностью запомнились на всю жизнь.

Теперь мы разговариваем с деканом математического факультета, старшим лейтенантом запаса Николаем Степановичем Романенковым.

— Какова Ваша военная специальность?

— В самое тяжелое время, когда наша Армия отступала, я служил в артиллерии. Под Новороссийском мы стояли на смерть. 27 мотил артиллеристов окружали наше орудие. Отступления не помню, потому что был контужен, и только благодаря находчивости друга остался жив. Потом я стал танкистом.

— За что Вы получили орден Красной Звезды?

— Был я тогда на Прибалтийском фронте. Во время Мемельской операции немцы,

расположившись на высоком берегу реки, держали нас под обстрелом. Мост был заминирован. Мы разрыли брод, и мой танк, рассеяв воду, первым форсировал реку, прокладывая дорогу остальным.

Вот в фойе целая группа сокурсников института: Борис Яковлевич Подковыров, бывший командир разведки, ныне заучив института, сержант запаса Константин Семенович Бочкарев, теперь декан исторического факультета, майор запаса Михаил Васильевич Наумов, теперь ст. преподаватель кафедры истории КПСС. Их много, бойцов по приказу Родины, педагогов по зову сердца. И теперь, в мирные дни, когда залечены раны и люди победили отчаяние, разруку, хочется от всего сердца пожелать: «Мирного неба вам, люди! Мирного неба тебе, Родина!»

Репортаж подготовили В. БЕРДНИКОВА, Э. Ф. БЛИНОВА и С. МАМАЕВА.

Песню эту на концерте пел Владимир Гредин. Посвящается она тем, кто отдал жизнь за Родину. Слова ее, мужественные и простые, пусть запомнятся вам.

Опять над головой костер качает дымя,
Бредет сквозь лес в обнимку с песней тишина,
А мы идем искать ровесников следы
Тех самых, что на четверть века старше нас.
Им больше не стареть, и песен им не петь,
И что у них в душе — уже не высказать.

Последние слова наткнулись на свинец,
Да не над всеми обелиски высаятся.
Над ними то весна, то ветер ледяной,
Лишь был в летах сплетается с легендами.
Ребят не воскресить ни бронзой орденов,
Ни песен мемуарными лентами.

А им хотелось жить семи смертям назло.
Семь раз не умирают — дело верное.
Вперед — и стали в рост, и шли на танки в бой
С винтовкой образца 91-го.
Давно отмыта гарь, развеялись дымы,
И не травой земные раны сглажены,
А мы идем искать ровесников следы —
Пусть вечные костры горят для каждого!
Нам в памяти хранить простые имена.
Их не укрывать за белыми туманами.
Нам в памяти хранить святы имена.
Ровесники, не быть вам безымянными.

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Через неделю после нападения гитлеровской Германии на нашу Родину я стал военным переводчиком. 12 июля 1941 г. впервые допрашивал пленного в лесу под Смоленском.

За 4 года войны я участвовал в допросе сотен военнопленных фашистских солдат и офицеров. В промежутки между боями я читал письма немецких солдат на родину и письма солдаткам из дома. Я «проштудировал» тысячи писем. В них нередко находилась ценная информация о положениях на фронтах, о настроениях на фронте и в тылу. Цензура тогда была лишь выборочная, и немцы довольно откровенно и правдиво писали обо всем. Интересно было наблюдать, как постепенно развевались надежды на быструю победу Германии, росло сознание неизбежности разгрома.

Первые письма из Германии после нападения на Советский Союз говорят о панике среди немецкого населения: что теперь

будет? Теперь начинается настоящая война. Россия победить нельзя. Такова была первая реакция на 22 июня 1941 года.

Но успехи гитлеровских войск в первые недели и месяцы войны быстро пробудили веру в непобедимость гитлеровского Вермахта и надежды на быструю победу. «Жду тебя домой, пока твоё любимое варенье из крыжовника, которое я только что сварила, еще свежее!» «Презнайка скорей с победой, наши крошки стали очень жирными. Я хотела забить их, но дядя Карл посоветовал подождать тебя». Подобные высказывания встречались часто в письмах из Германии в августе — сентябре 1941 года.

Но после разгрома немцев под Москвой всю Германию охватила тревога и страх перед

русской зимой. Были разрешены письма на фронт до 500 грамм, и на фронт начали поступать меховые шапки, наколенники, шерстяные перчатки и тому подобное. Так немцы надеялись спастись от русских суровых морозов.

Особенно упало настроение на фронте и в тылу после Сталинграда. Несмотря на фашистскую пропаганду и террор, немецкие солдаты все чаще стали сдаваться в плен, начали переходить добровольно на нашу сторону. В 1942—43 годах письма из Германии заполнены жалобами на бомбардировки, нехватку товаров, сообщениями о гибели родственников на фронте и в тылу. Я сделал подсчет на основании тысячи писем, и оказалось, что 80% немцев гибнет на восточном фронте.

Правда, до последних меся-

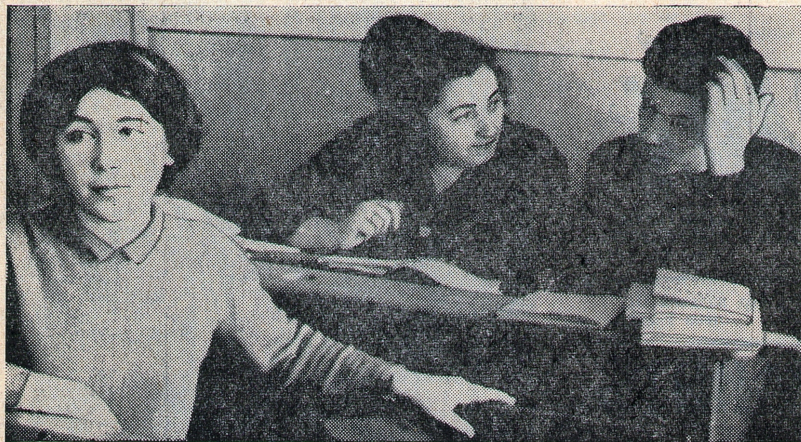
цев войны встречались фанатики, верившие в победу Германии. В октябре 1944 года я допрашивал группу пленных германских офицеров. Некоторые из них твердо верили, что Германия победит, что Гитлер вот-вот введет в действие секретное оружие, которое оразу резко изменит весь ход войны.

Когда настала весна 1945 года, допрашивать пленных и читать их письма нам стало уже некогда. Каждый день «доблестные» фашистские воины сотнями и тысячами бросали оружие и колоннами сдавались в плен. В один только день 9 мая 1945 года наша группа в составе 25 офицеров и солдат разоружила очень большую группу немецких солдат и офицеров.

В. А. НЕУДАЧИН,
преподаватель немецкого языка.

Что для студентов ПЕДАГОГИЧЕСКОГО института самое главное? Школа. Это и будущее, и настоящее. Вот почему так часто мысли студентов возвращаются к педагогической практике, даже если она давно кончилась. Этои понятно: каждый день в институте — это новые знания, а следовательно, каждый новый день вывернет правильность сделанного, поможет возмужать, мысленно еще раз обнаружить просчеты с тем, чтобы потом они не повторились. И всегда благодарная мысль о методистах, стажерах, товарищах.

НА СНИМКЕ: школа № 8. Методист не немецкого языка Т. Н. Штрапенниа обсуждает со студентом 3 курса Левиним план урока.

Самая интересная

«Здравствуйте, ребята, садитесь!» — так начался для нас самый первый в жизни урок. А практика началась еще раньше со знакомства с классом, его жизнью, привычками, умениями. В школу мы пришли в разгар четверти, сразу же с головной охунулись в ее шумный, многоголосый и такой разный быт. Делали все одновременно: оформляли газету, готовились к смотру художественной самодеятельности, ходили на экскурсии, проверяли дневники, проводили классные часы и родительские собрания, занимались с отстающими.

Потом начались уроки. Сколько было волнений, радости и огорчений! Самые лучшие уроки были у Нади Клишиной. Тщательно продуманные, разнообразные, с массой наглядного материала. Мы все старались принести в школу все, что может быть полезным на уроке и вне урока.

Классы нам достались разные и по количеству ребят, и по возрасту. Зина Климберг и Зоя Васькова работали в самом боль-

шом и самом «буйном» 6² классе. Здесь было все: и масса двоек по предметам, и коллективные погони с уроков. «Очень трудный класс», — говорили о нем педагоги. И все же девушки сумели подружиться с ребятами, увлечь их интересными делами.

Так мы учились работать с классом. Рита Ковалева и Люба Сивкова никогда не забудут своих милых, вездесущих и любопытных пятникашек. Их успех на смотре самодеятельности был и успехом наших студенток. Вот здесь и возникает чувство удовлетворения, радости за свой труд. Оно возникает и тогда, когда отчетному проецинику ставишь заслуженную общим трудом черточку.

Венец нашей работы в школе — вечер на иностранном языке. Немецкие песни, стихи, поговорки, веселые танцы, игры, смех надолго останутся в памяти ребят.

Практика дала нам очень много. Мы убедились в том, что учитель — это артист. Он должен уметь ходить, говорить,

смотреть, петь, рисовать, танцевать, сочинять, знать все на свете, никогда не унывать и не ошибаться.

Мы выбрали одну из самых трудных, благородных, плодотворных и интересных профессий. На практике мы учились не только преподавать свой предмет, но и быть взрослыми, старшими. Ох, как это пока еще трудно! И в помощи нам не отказывали. Учителя в школе, наш методист помогли нам, как могли. Много дала нам преподаватель немецкого языка школы № 1 Ильдга Ефимовна Барат — человек с неиссякаемой энергией, удивительной педагогической памятью, тактом, тонким чутьем на ошибки и фальшь. Ее четкость, точность, доброта, строгость были для нас примером. Очень тепло и чутко относились к нам классные руководители, много хороших слов было сказано на последней конференции в школе. Мы все очень благодарны учителям школы № 1, и наше общее желание — на 4 курсе снова прийти в свои классы, еще больше научиться и сделать еще больше.

БЕКЕТОВА Л.
группа 37.

НАШИ ПРОБЛЕМЫ

дет так как есть.

Нина: «Как чего, ничего я не хочу».

Хватит? Да, пожалуй, хватит вопросов, потому что все остальные ответы заключали в себе довольно ясную и простую мысль, очень похожую на последнюю. В чем дело? Может быть, мы перестали чувствовать? Может быть, устали от ежедневной суеты? Отчего же такая опустошенность большинства? Я думаю, она кажущаяся. И причина, вероятно, в том, что все изменения, все переустройства внутреннего мира человека происходят как-то скрыто от его сознания. Лишь когда резко изменяется обстановка, ус-

ловия, человек вдруг, именно вдруг, ощутит необычное наполнение самого себя. А может быть, опустошенность эта от неспособности заинтересоваться настоящим, достойным делом? А может быть, это элементарная лень? Лень, которая начинается от лени пойти за знанием, за интересным, за очень нужным, а кончается ленью мышления. Все это очень серьезно. Всем нам идти «в люди», преподавать прекрасное — нашу литературу. Сможем ли мы обогатить, научить видеть прекрасное, понимать начинающего жить человека, а не уродовать его?

СТУДЕНТЫ — О МАЛОМ ФИЛФАКЕ

В номере нашей газеты от 21 апреля была опубликована статья доцента кафедры литературы А. Г. Кан্দеевой об итогах трехлетней работы малого филфака. Статью эту хорошо дополнил высказывания студентов об этом лектории, детище большого филологического. А. Г. Кан্দеева бережно собирает их. Многие бывшие слушатели лектория стали студентами нашего факультета. Вот как они пишут о малом филфаке:

«Литературный лекторий по праву можно назвать малым филфаком. Мы прослушали лекции на различные темы, очень важные для понимания творчества отдельных писателей и литературы как искусства в целом.

Профессиональная ориентация в школе проводится еще недостаточно широко. Всем, кто любит литературу и может стать педагогом-словесником, малый филфака оказывает большую помощь».

Студентки 14 группы ЮРОВА и РЕПИНА.

«Мы узнали много нового, стали глубже понимать художественные произведения.

И теперь, когда мы стали студентами филологического факультета, настоящего, большого, мы говорим: «Да здравствует малый филфака! Он нужен школьникам, будущим студентам нашего факультета!»

Студентки II группы МАХНО, БУТОРИНА.

Таких высказываний много. Им можно было бы посвятить целую страницу газеты. И все они в сдержанной или эмоциональной форме говорят о той большой пользе, которую принес малый филфака вчерашним школьникам, нынешним студентам.

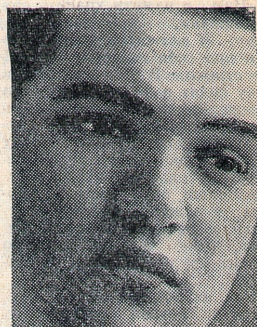
А как остальные факультеты помогают школьникам определять свое самое главное место? Расскажите об этом на страницах нашей газеты.

Филологи.

ПЕРЕВОДЫ БОРИСА ЛЕПЕХИНА

Эмиль Верхарн

Когда глаза закроешь у меня,
Целуй их долго,
Ведь они дарят
Все то, что для тебя
последний взгляд
Сберег в прощальном
рвении огня.
Под стойкое сияние свечи
Склони ко мне
печальное лицо.
Прекрасное печальное лицо
Навеки унесу в ночи.
И пусть тогда
в прожати рука
На миг прогвет
смертельное кольцо,
В подушках бледных,
где мое лицо,
В последний раз
покоится щека.
И, как уйду я, в сердце
сохранив
Тебя в лучах
склонившегося дня,
По всей земле
от этого огня
Пусть мертвые почувствуют
призыв.

Мельница

Мельница вечером
медленно вертится
Меланхоличная в небе
Грустным, усталым,
унылом.
Мрачного цвета стал
тяжелым, постылым,
шару у мельницы.
С первых лучей,
как два знака прощения,
Крылья ее то взлетят,
то падут.
В полном безмолвии
напрясен их труд,
И ни намека уже
на прощение.
Хворая темень опустится
зонтом.
Тучи в скитаниях
усталость найдут.
Тени деревьев
в леса уползут
И над лесами
уйдут к горизонту.
А у бугра
над плачевным потоком
Несколько хижин
услелись кружком.
Медная лампочка
под потолком
Шарит лучами
по стенам и окнам.
И на безмерной
и спящей равнине
Жалкие домики
впялили взгляд
Окон разинутых
в смертный обряд
Мельницы, той,
что исходит над ними.

Поль Верлен

И сердце на части.
И небо дождит.
Ну что за несчастье
Мне в сердце стучит?
О тихий шум ветра
По крышам домов!
Терадет мне сердце,
Как песня без слов.
Жестокое кручины
Отдернуть вуаль...
Но как? без причины?
Без почвы печаль.
Безмерная мука —
Не знать от чего
Печальными звуками
Сердце полно.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

На снимке: (слева направо) Караев К. А., композитор, народный артист СССР. Премия присуждена за музыку балета «Тропой грома». Симонов Р. Н., режиссер, народный артист СССР. Премия присуждена за постановку пьес классической и советской драматургии в Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова. Монсеев И. А., балетмейстер, народный артист СССР. Премия присуждена за концертную программу 1965 года Государственного академического ансамбля народного танца СССР. Пименов Ю. И., народный художник РСФСР. Премия присуждена за серию картин «Новые кварталы».

За редактора Ю. ПЛОТОВ.